

Т. В. Романова
Нижний Новгород, Россия

МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ КЛАССИФИКАТОРОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ/НЕТОЛЕРАНТНОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦЕЛЯХ РЕШЕНИЯ ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫХ ЗАДАЧ

АННОТАЦИЯ. Целью проведенного исследования, результаты которого изложены в предлагаемой статье, было определение методов выявления и собственно выявление лингвистических маркеров толерантности/нетолерантности речевого поведения. С этой целью проведен анализ языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента воздействия, самовыражения, оценки. Анализ проводился на материале политического дискурса (материалов СМИ). В качестве методов исследования были выбраны статистический анализ данных (прежде всего касающихся количественной стороны фиксируемых языковых фактов.); контент-анализ (содержательная интерпретация количественных данных); интен-анализ; риторический анализ и собственно лингвистический анализ. В результате анализа выявлены социолингвистические и лингвокультурологические основания квалификации степени толерантности речевого поведения и разработаны критерии квалификации языковой/речевой толерантности. Приведенные данные и полученные результаты служат базой для проведения речеведческих экспертиз. Маркерами интолерантности в тексте могут служить стилистически сниженные лексемы, дискредитирующие личность и формирующие восприятие объекта как подозрительного, нежелательного, вызывающего неприятие, отвращение, ненависть: коллоквиализмы, вульгаризмы, жаргонизмы, инвективы, неоправданные иностранные заимствования, оценочная лексика. На синтаксическом уровне средством выражения интолерантного отношения автора могут быть эмоциональные конструкции, деформированные относительно нейтрального «ядерного» предложения: повторы, материально избыточные элементы, разрывы, инверсия, транспозиция, расчленяющие конструкции, эллипсис, изолированные элементы. Особое значение приобретают штампы и клише, апеллирующие к определенным стереотипам и феноменам, имеющим в сознании людей значение «своего» или «чужого» (новообразованные клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным высказываниям, связанным с недавними политическими событиями; фразеологизмы и просторечные клише и штампы, не имеющие автора и известные всем представителям лингвокультурного сообщества; клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным текстам; штампы, имеющие в парадигме значений компонент «свой» или «чужой»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: толерантность; нетолерантность; лингвистические маркеры; речевое поведение; языковые средства; речевое воздействие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12; e-mail: tromanova@hse.ru.

В условиях решения задач этноконфессиональной безопасности, противодействия ксенофобии и развития толерантности на территории полиэтнического и поликонфессионального Приволжского региона, в частности Нижегородской области, необходимым является осмысление толерантности как культурного, психологического, политического феномена. Ценностные качества публичной коммуникации ранжируются и переосмысливаются различными слоями общества в собственных интересах, однако они во многом определяются состоянием и уровнем развития общей и политической культуры данного общества. Толерантность становится необходимым социальным регулятивом. Ее роль возрастает по мере развития новых коммуникативных технологий и новых регулятивов, одним из которых является возникшая в конце 40-х гг. XX в. тенденция политкорректности.

В философии под толерантностью понимается «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодостоинственной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т. п.). Толерантность

предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие» [Новая философская энциклопедия 2001: 363]. В социологии толерантность — это «терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям» [Толерантность]. В политологии толерантность — «терпимость по отношению к другим людям, отличающимся по их убеждениям, ценностям и поведению <...> Толерантная политическая культура означает уважительное отношение к любым политическим проявлениям, которые не противоречат существующему законодательству. Толерантность в политике можно считать результатом разрешения многих социальных противоречий на всеобщей социальной основе и развития демократии в форме правового государства» [Словарь по политологии 2010: 165].

Если пытаться определить характер отношений между понятиями «толерантность» и «политкорректность», то, как нам представляется, толерантность является содержанием, принципом, основой определенного социального регулятива (толерантность предполагает наличие идеи, взглядов, которым необходимо следовать), а политкорректность — формой, в том числе и речевой,

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00534 «Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса)». Руководитель проекта — Т. В. Романова, участники: А. А. Лаврова, К. А. Дружков, Н. Н. Морозова, М. А. Фокина.

его проявления, существования; политкорректность можно считать одной из коммуникативных характеристик неконфликтного речевого поведения, наряду с вежливостью, тактичностью.

Большинство специалистов исследуют толерантность в политико-правовом и социально-экономическом аспектах, хотя в лингвокультурологической и коммуникативной среде также коренятся причины конфликтных проявлений. Являясь многоаспектным социальным феноменом, толерантность во многом имеет речевую «привязку», поскольку объективируется в речевых действиях. Поэтому мы хотим обратиться к лингвистическому аспекту толерантности в региональных и федеральных СМИ (печатные, электронные и другие форматы) и политическом дискурсе в целом. Наш интерес направлен на анализ языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента воздействия, самовыражения, оценки.

Анализ проводился на материале текстов блогов политиков на платформе *Livejournal*; текстов новостных сайтов Нижегородского региона; печатных СМИ: «Коммерсант», «Коммерсант — Приволжье, Нижний Новгород», «Аргументы и факты», «Аргументы и факты — Нижний Новгород» и др.; федеральных печатных СМИ: «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Новая газета» (2014—2015 гг.).

В качестве методов исследования были выбраны: статистический анализ данных (прежде всего, касающихся количественной стороны фиксируемых языковых фактов); контент-анализ (содержательная интерпретация количественных данных); интен-анализ; риторический анализ и собственно лингвистический анализ. В рамках анализа коммуникативных интенций автора проявления интолерантности рассматриваются как коммуникативные стратегии в ситуации конфликта. Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Риторический анализ предполагает выявление способов внутренней организации текста, содействующих актуализации феномена толерантности. Лингвориторический анализ может также учитывать особенности графики и пунктуации письменного текста, соотношение текста и иллюстративного материала. Лингвистический анализ предполагает описание собственно языковых средств (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических), участвующих в актуализации феномена толерантности. В качестве метода исследования был выбран также лексический подход к анализу тональности высказывания.

В результате анализа выявлены социолингвистические и лингвокультурологические основания квалификации степени толерантности речевого поведения и разработаны критерии квалификации языковой/речевой толерантности.

Установлено, что средства массовой информации способны формировать общественную реальность, концентрируя внимание аудитории на тех или иных событиях. Риторический анализ, проведенный А. А. Лавровой [Лаврова 2015], показал, что оценочность (и, соответственно, толерантное или нетолерантное отношение автора к описываемому материалу) выражается:

- в самом отборе и классификации информации (детальное освещение одних событий и замалчивание других);

- в изложении фактов под определенным углом зрения (Майдан, война на юго-востоке Украины, война в Сирии, русско-турецкий конфликт, экономический кризис в Евросоюзе, западные санкции против России, убийство Немцова, стрельба в американских школах, террористические акты, падение «Боинга», митинги, система «Платон», расследования антикоррупционного комитета и т. д.);

- в композиционных особенностях текста. Например, текст может начинаться не с новостей, а с описания сильных негативных эмоций. В ряде случаев эмоции вообще замещают информацию и ее анализ. При такой подаче материала реципиент теряет возможность и право самостоятельно оценивать ситуацию, становится объектом эмоционального воздействия: *На глаза накатывала скупая колорадская слеза: надо же, они там еще могут что-то кроме „слава Украине“ кричать, не забыли русский язык-то, видать. Пальцы тянулись к клавиатуре — поучаствовать в живом обсуждении. И отдергивались — куда в калачный ряд-то... Здесь вам не равнина, здесь климат иной* («Известия». 26 марта 2015 г.);

- в актуализации роли заголовка. Заголовки печатных изданий зачастую не просто привлекают внимание читателей, а вселяют чувство тревоги, беспокойства, неуверенности: *Народ потерпит? В Крыму уже две недели борются за светлое будущее* («Аргументы и факты». 2 дек. 2015 г.);

- в форме подачи информации, соотношении положительных и отрицательных образов, обилии или скупости экспрессивных средств и т. д.

Лингвистический анализ актуализации феномена толерантности предполагает описание собственно языковых средств, в первую очередь лексических.

Маркерами интолерантности в тексте могут служить стилистически сниженные лексемы, дискредитирующие личность и формирующие восприятие объекта как подозрительного, нежелательного, вызывающего неприязнь, отвращение, ненависть — коллоквиализмы (1), вульгаризмы (2), жаргонизмы (3), инвективы (4), неоправданные иностранные заимствования (5), оценочная лексика (6):

Оба *газетчика* (1) *пришли на прием при полном параде* (1): *черный костюм, белая рубашка, галстук. Все было чинно-мирно* (1), пока журналист Паоло не сел в кресло и *залихватски* (6) не закинул ногу на ногу. Тут и появились они — *яркие и ужасные* (6). *Красные носки. Их экстравагантную* (6) *расцветку запомнят не только в службе протокола. Интернет уже пестрит* (2) *фото* (1) *с этим мужским аксессуаром. Все терзаются вопросом: можно ли было заявляться* (2) *в таком виде на официальный прием?* (Комсомольская правда. 8 июня 2015 г.);

Крымкэш (5). „Сакральная Корсунь“ *рискует превратиться в „хаб“* (5) *для обналички* (3) *и других незаконных банковских операций* (Новая Газета. № 56 от 1 июня 2015 г.);

Диктатура мерзавчиков (4). *Белорусское государство изучает содержимое шкафов и сервантов своих граждан* (Новая газета. № 56 от 1 июня 2015 г.).

Интолерантными были признаны лексемы с пейоративной эмоционально-экспрессивной коннотацией, принадлежащие к следующим классам: слова и выражения, обозначающие социально осуждаемую деятельность (*алкаш, проститутка, жулик, рецидивист*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию (*ублюдок, говнюк*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку уровня интеллекта (*придурок, недоумок, дегенерат*); слова, содержащие осуждение общественно-политической позиции (*русофоб, госдеповский, либераст, путиноид, крымнашист, едросья*); слова, содержащие негативную оценку «чужой» информации (*неадекват, вранье, наивняк, демагогия*).

С целью исследования возможности автоматического определения уровня толерантности в политическом дискурсе К. А. Дружковым [Дружков, Фокина 2015] была проведена адаптация метода тонального анализа за счет создания словаря интолерантной лексики. Материалом для исследования стали 60 записей в блогах политиков на

платформе *livejournal.com* и комментарии к ним. На основе установленных критериев толерантности была проведена ручная разметка записей блогов. На этапе эмпирического исследования комментариев к анализируемым блогам был составлен словарь интолерантной лексики, включающий более 200 единиц, обладающих пейоративной эмоционально-экспрессивной коннотацией. Описана методика автоматического пополнения словаря оценочной лексики, что обуславливает улучшение качества работы существующих методов анализа тональности высказывания. Востребованность подобной методики связана с отсутствием в свободном доступе инструментов для анализа тональности, в то время как *мнение* рассматривается как важный объект текстового анализа, а также с необходимостью адаптации методик автоматической обработки оценки как типа информации по отношению к русскому языку и русскоязычному дискурсу. Также был сформулирован ряд рекомендаций по дальнейшему усовершенствованию алгоритма определения тональности в политическом дискурсе: включение заголовка в список исследуемых объектов, добавление неологизмов/окказионализмов в тональный словарь, рассмотрение последовательных вопросительных предложений, квазисинонимов как тональных маркеров и др.

На синтаксическом уровне средством выражения интолерантного отношения автора могут быть эмоциональные конструкции, деформированные относительно нейтрального «ядерного» предложения [Дружков, Фокина 2015], — повторы (1), материально избыточные элементы (2), разрывы (3), инверсия, транспозиция (4), расшифровывающие конструкции (5), эллипсис, изолированные элементы:

Наверное (2), *немало читателей за последние дни вглядывались в широкую и резонансную дискуссию о сексизме и феминизме, не зная, верить ли своим глазам: что, правда* (4, 5)? *Не про ватников и колорадов, не про быдло и не про анчоусов? Не про жизнелюбивого — „одних жен сколько!“* (2) — *Бориса Немцова? И не про Крым, не про Путина* (1, 3)? *Нет* (2, 5): *обсуждали женское равноправие. Женское равноправие и сексизм* (1) (Известия. 26 марта 2015 г.).

Исследуемый материал показал, что интолерантность актуализируется в рамках стратегии дискредитации, или стратегии речевой агрессии, цель которой — унижить, оскорбить, высмеять того, о ком идет речь. В качестве тактик обычно выбираются оскорбление, насмешка, угроза, обвинение, упрек, клевета и др.:

Заявление турецкого президента Ре-джепа Эрдогана о том, что летчики турецких ВВС якобы не знали, что сбивают российский самолет, по мнению специалистов, нельзя квалифицировать иначе как наглое вранье (Московский комсомолец. 27 нояб. 2105 г.).

М. А. Фокина исследовала потенциал прецедентных феноменов как средства достижения толерантности и интолерантности политического дискурса [Фокина 2015]. В качестве основополагающей в данном аспекте была определена когнитивная (метафорическая) функция, дополняемая такими сопутствующими функциями, как оценочно-экспрессивная, антиреферентная, текстообразующая, а также функции эвфемизации и дисфемизации. Установлена востребованность прецедентных феноменов, в особенности прецедентных имен, в реализации речевой стратегии дискредитации через эксплуатацию коммуникативных тактик оскорбления, издевки и обвинения. Был обоснован вывод об использовании прецедентных феноменов с целью намеренного достижения такого качества дискурса, как интолерантность.

Наконец, нами был проведен анализ речевых штампов и клише в качестве показателей толерантности или интолерантности СМИ при оценке предметов, событий и явлений как «своих» или «чужих», рассмотрены особенности штампов и клише сознания, а также их корреляция с речевыми клише и штампами и связь с прецедентными феноменами [Романова 2016]. Выявлены функции и приемы актуализации внутренней формы языкового знака в текстах СМИ как показатель нетолерантности речевого поведения (прием языковой игры, эвокация, трансформация устойчивых сочетаний, двойная мотивация значения слова, словообразование по аналогии); рассмотрены идеологемы политкорректности [Романова 2015].

Материалом для этой части исследования послужили авторские статьи федеральной газеты «Аргументы и факты» и регионального приложения «Аргументы и факты — Нижний Новгород» за 2014—2015 гг.

Роль штампов и клише сознания при оценке «своего» и «чужого» заключается в апелляции к определенным стереотипам и феноменам, имеющим в сознании людей значение «своего» или «чужого». Можно предположить, что именно клише сознания, «вызываемые» с помощью семантико-когнитивной ассоциации, будут выражать индивидуально-авторскую оценку. Штампы же сознания, не имеющие глубинного смысла (для них характерны только фонетико-звуковая

ассоциация и ассоциация-штамп), функционально для оценки менее значимы.

Выделенные при анализе речевые штампы и клише можно классифицировать следующим образом:

1) новообразованные клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным высказываниям, связанным с недавними политическими событиями, такие как *майдан, евромайдан, Болотная площадь, украинская зима, кто не скачет — тот москаль...*

2) фразеологизмы и просторечные клише и штампы, не имеющие автора и известные всем представителям лингвокультурного сообщества, используемые автором для выражения собственного мнения, часто нетолерантного: *боимся сглазить, сосет соки, не жизнь, а малина, толкает речь, шлют на три веселых буквы, держится на соплях, довел до ручки, спустил власть в унитаз, вьет душком;*

3) клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным текстам, использующиеся с целью обеспечения «эффекта толерантности» при выражении/передаче авторского мнения (*птены Гайдара, гнезда, простодушный Иван и жалостливая Алёнушка, забрать все книги бы да сжечь, сидеть на печи, правит бал*);

4) штампы, имеющие в парадигме значений компонент «свой» или «чужой», например: *свой в доску, свои среди чужих, чувствовать себя как дома*.

При этом клише в «интолерантной» функции используются исключительно там, где автор хочет подчеркнуть очевидность различий «своих» и «чужих» — например, в спортивной сфере, а клише, призванные обеспечить толерантность высказывания, — там, где речь идет непосредственно о событиях в нашей стране (России). Интолерантное речевое поведение характеризует позицию автора и в публикациях о событиях в других странах, в том числе о военных конфликтах, а также о ситуациях интолерантного отношения к России со стороны других государств. Подобный результат нам представляется возможным связать с нынешней установкой на толерантность в публичной сфере, в том числе и в СМИ.

В текстах газет штампы и клише могут выполнять следующие функции:

1. Быть показателем толерантного речевого поведения, т. е. выполнять одну из следующих функций: способствовать «размышлению» смысла высказывания, снижению его категоричности; изменять специфику подачи критики, смещая акцент в сторону обеспокоенности ситуацией; апеллировать к

авторитету с целью объективации оценки; указывать на субъективность мнения автора.

2. Быть показателем интолерантного речевого поведения.

3. Быть показателем толерантного/интолерантного речевого поведения, связанным с оценкой «своего» и «чужого», например: *чувствовать себя как дома*.

Рассмотрим конкретные примеры.

Самым обсуждаемым «газетным» событием зимы 2014 года стала Олимпиада в Сочи. Оценка спортивного противостояния предполагает использование оппозиции «свой» — «чужой». Это объясняет активное заголовочное функционирование клишированных высказываний (которые функционируют как штампы), в составе которых есть слова *свой* и *чужой*: *свой в доску, свои среди чужих* и др. Концепт ЧУЖОЙ чаще всего эксплицируется прилагательным *чужеземный*.

Отражая реалии спортивного события 2014 г., устойчивое сочетание *измена Родине* употребляется с расширением синтаксической сочетаемости: *измена спортивной родине*. По концептуальному признаку 'свой'/'чужой' оцениваются даже спортивные трассы: *Боишься слазить, но есть предчувствие, что скандинавы не будут чувствовать себя на сочинской лыжне как дома* (*Игры — 2014: у нас все дома! — Аргументы и факты*. 2014. № 6: 13). Когнитивной опорой при описании спортивного противостояния является концепт ВОЙНА. Так, об игре сборной Америки на хоккейном матче со сборной России в газете пишут: *...от нее веет духом холодной войны (У нас украли победу! — Аргументы и факты*. 2014. № 8: 5). Речевой штамп *веет духом* фиксирует концептуальный признак 'отвращение', 'презрение'. Упоминание о прецедентной ситуации холодной войны вызывает определенные ассоциации, формирующие представление об американцах как «чужой», «враждебной» нации, что подтверждается другими использованными средствами: *заокеанские арбитры* — словосочетание подчеркивает территориальное разделение двух стран, а клише *правит бал*, оценка применительно к Национальной хоккейной лиге, ассоциируется с прецедентным текстом, с куплетами Мефистофеля из оперы «Фауст».

В статьях спортивной тематики по большей части используются клише не авторского происхождения, чаще всего просторечные, но в большинстве своем не нарушающие принцип толерантности. Их специфика заключается в том, что значение 'свой' или 'чужой' в таких клише является одним из основных и «поверхностных» — такие клише функционируют как штампы, для понимания

значения которых достаточно присутствия в их форме слов *свой* и *чужой*.

Таким образом, результат исследования подтверждает выдвинутую ранее гипотезу: штампы и клише сознания, используемые в федеральных и региональных СМИ при оценке «своего» и «чужого», являются показателями речевого толерантности или интолерантности. Однако стоит заметить, что случаев употребления штампов и клише сознания как средств реализации толерантного речевого поведения больше, чем использования при оценке «своего» и «чужого», а сама эта оценка выражена максимально «толерантным способом».

Период 2014—2015 гг. ознаменовался политическим кризисом, связанным с событиями на Украине и, впоследствии, с охлаждением в отношениях с США и европейскими странами. Поэтому большая часть статей федеральных газет этого времени посвящена именно политической теме. К ним добавляются текущие события, такие как Олимпиада-2014 в феврале, День Победы в мае и Чемпионат мира по футболу в июне, но политика остается основной темой статей, причем мнения авторов, выражаемые в статьях, отличаются интолерантностью по отношению к зарубежным странам с колебаниями от завуалированного ее выражения до прямых угроз.

Этим объясняется выбор средств, передающих отношение авторов: это штампы и клише сознания, основанные на фразеологизмах, анекдотах и просторечиях, а также на прецедентных именах и высказываниях, понятных российскому читателю. Однако, помимо разговорных источников, в качестве основы также были использованы мифы, лозунги, строки песен, цитаты и названия книг, прецедентные имена, исторические события XXI в., крылатые выражения, названия кинофильмов, художественных полотен и др.

Приведем примеры.

Использование прецедентного имени «Шествие слепых» [статья «Хор слепых». АиФ. 2014. № 15: 5. Автор — В. Костилов] в сочетании с самим образом картины П. Брейгеля. В этом случае мнение автора передается не только через название статьи «Хор слепых», но и через отсылки к картине в тексте статьи и коллаж, созданный «по мотивам» картины. Таким образом, мы можем говорить о таком явлении, как «прецедентный образ», совмещающий в себе прецедентное имя и прецедентное изображение, вызывающие определенные ассоциации. В данном случае образ 'картина «Шествие слепых»', примененный в отношении к странам Евро-

пы, Америке и Украине в связи с политической ситуацией, представляет Украину как уже упавшего слепца, а европейские страны — как слепцов, идущих вслед за упавшим в пропасть по тропе, которой является рука статуи Свободы. Через этот коллаж автор вполне ясно передает свое мнение о поступках политических лидеров и нынешней ситуации и дает понять, что вскоре вся Европа, идущая на поводу у Америки, закончит свой путь в «луже», в которую уже «упала» Украина.

Другим примером является газетный заголовок «Летучий малаец» [Летучий малаец // Аргументы и факты. 2014. № 18: 18. Автор — Г. Зотов], ассоциирующийся с именем Летучего голландца, корабля-призрака. Свойства корабля — его 'призрачность', 'неизвестное местонахождение' и 'связь с миром мертвых' — переносятся на пропавший малайзийский «Боинг-777», который в названии статьи обозначается катойконимом *малаец*.

Для обновления внутренней формы прецедентного высказывания с целью усиления воздействия используются разные приемы трансформации: перестановки, замены, добавления, опущение, объединение, членение и др. [Бархударов 2016; Швейцер 1988].

Основной грамматической трансформацией, применяемой для создания прецедентных феноменов, является замена слов источника на слова, связанные с темой статьи. Реже используются вставки слов и фонетические трансформации, как в заголовке статьи о февральских событиях «Лютый Киев» (укр. лютий — «февраль» [Даль 1995: 533]).

В качестве заключения скажем следующее. В процессе проведенного исследования, часть итогов которого описана в данной статье, были определены методы выявления и выявлены лингвистические маркеры толерантности/нетолерантности речевого поведения. В результате анализа выявлены также социолингвистические и лингвокультурологические основания квалификации степени толерантности речевого поведения и разработаны критерии квалификации языковой/речевой толерантности. Дальнейшее наше внимание было направлено на анализ языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента воздействия, самовыражения, оценки, Данные этого ана-

лиза приведены в статье. Приведенные данные и полученные результаты служат методической и эмпирической базой для проведения речеведческих экспертиз, связанных с проблемами этноконфессиональной безопасности, ксенофобии, экстремизма, с вопросами речевого оскорбления и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. URL: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/barhud-trdoc.shtml (дата обращения: 16.02.16).
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: ТЕРРА — TERRA, 1995. 683 с.
3. Дзюба Е. В., Цыганкова А. В. Политический, экономический, межэтнический и межконфессиональный дискурс: практика критического анализа манипулятивных тактик в глобальных СМИ // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 255—259.
4. Дружков К. А., Фокина М. А. Анализ толерантности блогеров политиков с использованием компьютерного инструментария и количественных методов // Новое слово: актуальные проблемы языкознания, литературоведения и методики преподавания филологических дисциплин. — Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. С. 59—62.
5. Замотина Е. И., Дубровская Т. В. Межнациональные отношения в юридическом дискурсе: репрезентации и топосы (на примере конституций России и США) // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 136—141.
6. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 194—199.
7. Лаврова А. А. Междисциплинарные и собственно лингвистические модели описания толерантности // Когнитивные исследования языка. — М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. Вып. 23: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сборник науч. тр. С. 387—396.
8. Мележик К. А. Языковая политика и языковая реальность интернационализации университетского сообщества // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 151—158.
9. Новая философская энциклопедия: в 4 т./ под ред. В. С. Стёпина. — М.: Мысль, 2001.
10. Романова Т. В. Клише и штампы как речевые маркеры толерантности/интолерантности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 140—146.
11. Романова Т. В. Функция и приемы актуализации внутренней формы языкового знака в текстах СМИ // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. Ч. 1. — Симферополь: Антиква, 2015. — С. 456—462.
12. Словарь по политологии / РГУ; под ред. В. Н. Коновалова. — М.: РГУ, 2010. 292 с.
13. Толерантность. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4240/толерантность> (дата обращения: 16.10.2016).
14. Фокина М. А. Функции прецедентных феноменов в блогах политиков в контексте толерантности политического дискурса // Когнитивные исследования языка. — М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. Вып. 23: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр. — С. 671—679.
15. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / отв. ред. член-кор. АН СССР В. Н. Ярцева. — М.: Наука, 1988. 208 с.

T. V. Romanova
Nyzhny Novgorod, Russia

METHODS TO IDENTIFY CLASSIFIERS OF TOLERANCE/INTOLERANCE OF VERBAL BEHAVIOR IN TO SOLVE LINGVOEXPERT TASKS

ABSTRACT. The goal of the research is to identify the methods used to reveal linguistic markers of tolerance/intolerance of verbal behavior. To reach this goal, the author analyzed language and speech means used as tools of manipulation, self-expression and evaluation. The analysis was carried out on the basis of mass media political discourse. Such methods as statistical analysis of data (quantitative analy-

sis of the material); content analysis (interpretation of the results of quantitative analysis); intent-analysis; rhetorical and linguistic analysis were applied. The analysis revealed socio-linguistic and linguo-cultural bases of the degree of tolerance of verbal behavior qualification; the criteria for qualifying language/speech tolerance were formulated. The data and the results may serve the basis for the expertise of speech. The markers of intolerance in the text are substandard vocabulary aimed at discrediting a person and forming suspicious attitude to them or even unfriendliness, disgust and hatred, among such vocabulary means are colloquialisms, vulgar words, jargonisms, invectives, unnecessary borrowings and evaluative words. On the syntactic level the means of intolerant behavior are emotionally-colored constructions, among which: repetition, excess elements, detachment, inversion, transposition, expanding constructions, ellipsis and isolated elements. Special role is given to stock phrases and clichés that appeal to stereotypes and phenomena marked in the mind of people as “friends” or “aliens” (new clichés that appeal to precedent names and precedent phrases connected with the recent political events; phraseological units and colloquial clichés and stock phrases, which have no author, but all the members of the community know them well; clichés that appeal to precedent names and precedent texts; stock phrases, one of the meanings of which refers to “friends” or “aliens”).

KEYWORDS: tolerance; intolerance; linguistic markers; verbal behavior; language means; verbal influence.

ABOUT THE AUTHOR: Romanova Tatiana Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia.

REFERENCES

1. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/barhud-trdoc.shtml (data obrashcheniya: 16.02.16).
2. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 4. M.: TERRA — TERRA, 1995. 683 s.
3. Dzyuba E. V., Tsygankova A. V. Politicheskii, ekonomicheskii, mezhetnicheskii i mezhekfessional'nyy diskursy: praktika kriticheskogo analiza manipulativnykh taktik v global'nykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 255—259.
4. Druzhkov K. A., Fokina M. A. Analiz tolerantnosti blogov politikov s ispol'zovaniem komp'yuternogo instrumentariya i kvantitativnykh metodov // Novoe slovo: aktual'nye problemy yazykoznavaniya, literaturovedeniya i metodiki prepodavaniya filologicheskikh distsiplin. — Kirov : Raduga-PRESS, 2015. S. 59—62.
5. Zamotina E. I., Dubrovskaya T. V. Mezhnatsional'nye otnosheniya v yuridicheskoy diskurse: reprezentatsii i toposy (na primere konstitutsiy Rossii i SShA) // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). S. 136—141.
6. Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A. Yazykovyye markery manipulyatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 194—199.
7. Lavrova A. A. Mezhdistsiplinarnyye i sobstvenno lingvisticheskiye modeli opisaniya tolerantnosti // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. — M.: Institut yazykoznavaniya RAN ; Tambov: Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2015. Vyp. 23 : Lingvisticheskiye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh : sb. nauch. tr. S. 387—396.
8. Melezhik K. A. Yazykovaya politika i yazykovaya real'nost' internatsionalizatsii universitetskogo soobshchestva // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 151—158.
9. Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. / pod red. V. S. Stepanina. — M.: Mysl', 2001.
10. Romanova T. V. Klishe i shtampyy kak rechevyye markery tolerantnosti/intolerantnosti // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2016. № 1. S. 140—146.
11. Romanova T. V. Funktsiya i priemy aktualizatsii vnutrenney formy yazykovogo znaka v tekstakh SMI // Russkiy yazyk v polikul'turnom mire : sb. nauch. st. Ch. 1. — Simferopol' : Antikva, 2015. — S. 456—462.
12. Slovar' po politologii / RGU ; pod red. V. N. Kononova. — M.: RGU, 2010. 292 s.
13. Tolerantnost'. URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4240/tolerantnost'](http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/4240/tolerantnost) (data obrashcheniya: 16.10.16).
14. Fokina M. A. Funktsii pretsedentnykh fenomenov v blogakh politikov v kontekste tolerantnosti politicheskogo diskursa // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. — M.: Institut yazykoznavaniya RAN ; Tambov : Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2015. Vyp. 23 : Lingvisticheskiye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh : sb. nauch. tr. — S. 671—679.
15. Shveytser A. D. Teoriya perevoda (status, problemy, aspekty) / otv. red. chlen-kor. AN SSSR V. N. Yartseva. — M.: Nauka, 1988. 208 s.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.